

Отъ Автора полное
Собрание Его сочиненій

Авг 12. 1834.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ,

Дмитрий Иванович ХВОСТОВ

БАСНИ
и
ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

im WERDEN-VERLAG
MOCKBA - AUGSBURG 2002

Дмитрий Иванович Хвостов (1757-1835), граф, богатый вельможа, сенатор, в истории русской литературы приобрел репутацию стихотворца-графомана, сложившуюся, главным образом, в начале XIX в., когда он стал объектом многочисленных эпиграмм, сатир и пародий. Его творчество, однако, очень показательно как реакция отживающего классицизма на появление новых литературных течений. Сложившись как писатель в кружке поздних классиков — Н. П. Николева, Ф. Г. Карина, Д. П. Горчакова, будучи одним из организаторов «Беседы любителей русского слова», Хвостов в своем творчестве последовательно пытался придерживаться эстетических предписаний Буало и Сумарокова. В эпоху распада жанровой системы классицизма подобная попытка приобрела полемический смысл. Насмешки современников над «Избранными притчами из лучших сочинителей российских стихами» Хвостова (М., 1802) были во многом обусловлены тем, что собственные «притчи» Хвостов принципиально противопоставил басням И. И. Дмитриева и его последователей. Свое понимание сущности жанра Хвостов изложил в послании «О притчах», восполняя «Поэтическое искусство» Буало, где характеристика жанра басни отсутствовала, и в брошюре «Некоторые мысли о сущности басни». Хвостов призывал вернуться к архаическому типу «эзоповской», дидактической и «неукрашенной» басни. Он

подчеркивал, что получившие распространение у современных писателей изящный рассказ, остроумный и фривольный сюжет, легкий стиль разрушают басню как жанр, так как не соответствуют серьезной моральной цели баснописания. Басня требует простоты; ничто не должно мешать читателю увидеть в конкретном рассказе нравственную аллегорию, доказательство определенной моральной истины. Следует отметить, что именно такая теоретическая установка объясняет, почему в своих притчах Хвостов часто пренебрегал внешним правдоподобием деталей (голубь, зубами перегрызающий сети; осел с когтями, взбирающийся на дерево и т. п.), вызывая веселье критики: как он пояснял, главным для него была верность «естественной нравственности», а не «натуральной истории».

Отрицая «поэтическую» басню, восходящую к Лафонтену, Хвостов отчасти повторял взгляды Г. Лессинга, ограничивавшего сферу басни только моральным апологом. Отстаивая вместе с А. С. Шишковым дидактические тенденции литературы классицизма, он фактически противостоял всем школам баснописания в начале XIX в. Круг его сторонников был ничтожно мал и ограничивался третьестепенными баснописцами вроде В. Тибекина, иногда просто искавшими покровительства у богатого и чиновного вельможи. Поэтому практическим подтверждением теории (впрочем, не всегда последовательным) являлись собственные притчи Хвостова, которые он писал на протяжении всей жизни, выпустил еще тремя изданиями («Притчи», М., 1807; «Избранные притчи...», СПб., 1816; «Басни», СПб., 1820) и включал во все свои «Полные собрания стихотворений» (изд. 1 ч. 3, СПб., 1817; изд. 2 ч. 3, СПб., 1822; изд. 3 чч. 4-5, 7, СПб., 1829-1830). О Хвостове см. также в кн.: «Поэты 1790- 1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

© «Im-Werden-Verlag», 2001, исправлено и дополнено 2002.

© Подготовка текста и примечания В. П. Степанова и Н. Л. Степанова; биографическая справка В.П. Степанова, «Русская басня XVIII-XIX веков», Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1977

© Подготовка текста и примечания М. Г. Альтшуллера, «Поэты 1790-1810-х годов», Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1971

На титуле: дарственная надпись на книге „Лирические стихотворения графа Хвостова“. Том. I. Кн. 1. СПб.: Печатано в тип. Императорской Академии, 1828.

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

1, ДУБ И ТРОСТЬ

В кичливой гордости, самих небес
Касаясь головою,
Дуб Трости говорил: «Смотри, как я разнес
Далеко ветви пред собою
И тению моей пространства сколько крою.
Шумящий Аквилон, колебля целый мир,
Мне так ужасен,
Как, приближаясь вод, играющий Зефир;
Всегда я безопасен;
Но жребий твой
Совсем иной:
Лишь воды ручейков наморщиться успеют,
Твои все силы ослабеют
И ты приклонишься перед лицом земли;
Тебе несносно бремя,
Когда в весенее время
На плечах у тебя малиновки легли».
Трость Дубу отвечала:
«Конечно, я тонка, гибка,
Но не ломка».,
Вдруг буря страшная настала,
И лютый ветер
Летит из мрачных недр;
Дуброву всю ломает,
И Дуб,
Как ни был тверд, упруг и груб,
Но ветер его из корня исторгает,
На землю повергает;
А Трость, хоть прежде всех легла,
Но также голову всех прежде подняла.

<1802>

2. МУЖИК И БЛОХА

Мы от кичливости, нередко и от лени,
Возносим к небесам бессмысленные пени:
Как будто с нас
Бог всякий час
Спускать не должен глаз.
Он будто пестун наш. Коль так, так где ж свобода?
Вопль мужика-глупца летел небес до свода.
О чем кричал мужик? Блоха
Его кусала.
Она как зверь лиха
И кровь сосала.
Он челобитствовал о том лишь у небес,
Чтобы управился с блохою Геркулес

Или чтоб на нее свой гром пустил Зевес.
Мужик! Не умничай — таскайся за сохою
И небу не скучай блохою.

<1802>

3. ГОРОДСКАЯ И ДЕРЕВЕНСКАЯ МЫШЬ

На ужин пребогатый,
С огромным пиршеством и тратой,
Соседку из полей мышь в городе звала;
 Ей стол дала
Со вкусом, с роскошью и с прихотью чрезмерной,
 И для другини верной
Все яствы ставили в фарфоре, серебре
На лучшем изо всех, прекраснейшем ковре.
Но только жаль, что праздник прекратили.
 Услышала хозяйка стук —
Не знаю, наверху во что-то колотили, —
 И вдруг,
И вместе с гостейкой, не разобрав дороги,
Бежали по полям — отколь взялися ноги!
Но гостья ей: «Приди в поля ко мне
Откушать без чинов наедине.
Конечно, роскошь стол в полях не украшает,
Однако нам зато никто не помешает».

<1802>

4. ГОРА В РОДАХ

Гора беременна кричала
И о своих родах всем уши прожужжала.
Бежит со всех сторон народ,
 Разиня рот,
 Кричит: «Гора презнатного ребенка
На свет произведет, — не меньше как левёнка,
Иль тигра, иль слона».
Все час ее стрегут.
Пииты на стихах уже ребенку лгут.
Но час приспел: гора-княгиня разрешилась,
 Вселенна изумилась.
То, помню, имянно в полночну было тишь.
 Гора родила — мышь.

<1802>

5. ОРЛИЦА И ЧЕРЕПАХА

Эзоп не говорит, с Орлицею вошла
Где Черепаха в речь, но ей урок прочла:
 «Детей летать ты учишь;
Орляток бедненьких напрасно только мучишь.
 Зачем летать в эфир,
Когда отселе мы прекрасный видим мир?
 С начала света
Напасти на земле роятся от полета.
 Ползя,
 Упасть нельзя.
Царица! Моего послушайся совета».
Орлица ей в ответ: «Земной покинув шар,
С небес слетел Икар;
Глупцу смешно под облака взбираться.
Но стыдно Эйлеру ползти и пресмыкаться».

<1802>

6. ЩУКА И УДА

Щука уду проглотила,
Оттого в тоске была,
И рвалась, и вопила.
Близ ее плотва жила.
Вопрошает она щуку:
«Мне, кума, поведай муку,
Рвет которая тебя».
— «Ненавижу я себя, —
Щука отвечает. —
Всё меня здесь огорчает,
И в другую я реку
Плыть хочу — прогнать тоску».
— «Ни с какою
Ты рекою,
Кумушка, покою
Неспособна век добыть,
Хоть и в море станешь жить».
Если внутренность терзает —
Счастье убегает;
Нас тревожит каждый час
Совести немолчный глас.

<1802>

7. ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушки не хотят как якобинцы жить,
Но верой-правдою хотят царям служить;
Толкуют, что негодно
Правление народно.
Как жить без головы? Мир, славный красотой,
Идет не сам собой.
Лягушки день и ночь об этом рассуждали,
утруждали,
Чтоб им царя послал.
Зевес, склонясь мольбой лягушек дикой,
Средь вихря громом застучал:
Посланец с неба вдруг в лице толпы великой
Упал.
Тогда сварливый.
И глупый, и трусливый
Болотистый народ
Стал жаться к берегам, бежа пространства вод.
Нечаянность, прельстя, квакуш околдовала;
Все взапуски кричат: «Нам царь на славу дан!»
А самодержец их — сосновый был чурбан.
Одна лягушка осмелчала,
К царю проворно подбежала
И, слова не сказав, в осоку отплыла;
Другая речь с деспотом завела;
Потом и смиренные царя не трепетали
И на спину к нему скакали.
Опять молва пошла,
Опять за своеволие
К Юпитеру посольство:
«Зачем болоту дал пустую тварь?
Куда владетель наш годится?
Такого дай, чтобы умел пошевелиться;
Здесь бойкий нужен царь».
Юпитер, слыша то, аиста к ним отправил,
Который был одних с Наполеоном правил:
Лягушку — в лоб, другую — в нос,
Той — казнь, четвертую — в допрос;
В полгода времени лягушек род убавил.
Опять к Юпитеру: «Тот царь чрезмерно тих,
Другой несносно лих».
Зевес молчать сварливый род заставил
И речью невзначай квакушью спесь убавил:
«В ладу с аистом вы теперь извольте быть,
Чтоб хуже и его другого не нажить».

<1802>

8. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ-ЛЕКАРЬ

Лесной вельможа Волк однажды заболел:
 Неосторожно ел
 И подавился,
 И сил лишился
Кричать, чтоб вытащили кость.
 Нежданный гость,
 Журавль случился;
 Отвесь низменный поклон,
 Кость длинным носом
Из Волчьего горла вынул вон;
Потом с запросом:
«Дай плату мне!» А Волк не чив;
Сказал: «Давно ль в моей был власти?
 Журавль счастлив,
Что нос освободил из Волчьей пасти».
Вельможе хитрому кто оказал услугу,
 Советую, как другу,
Об этом язычком не много шевелить,
Награды у него за труд свой не просить.

<1802>

9. СОФОКЛ И ЕГО ДОНОСИТЕЛЬ

Что злые языки на свете ни болтают,
Поэтов на земли велик и славен дар;
 Они в себе питают
Высокий дух, небесный жар.
Я разумею здесь Марона и Гомера;
Лишь к ним мое почтение и вера,
А прочим, хоть я сам считаюсь в их толпе,
Не ставлю высоко. Не в рифме, не в стопе
 Стихотворения искусство:
Ум зрелый, чистый вкус, воображенье, чувство
Сплетают для певца бессмертия венец.
 Софокл, пресладостный певец,
Которому свой скиптр вручила Мельпомена,
 Софокл, средь Аттики сирена,
 Софокл преклонных лет
Обязан дать в суде ответ:
Его в безумстве обвиняли,
На ослабление душевных сил пеняли.
 Любитель истины, мудрец
Не расточителен на речи и на время,
 Ему витийство — бремя.
 Судьям певец
Неблагодарными гонимого читает

«Эдипа», именно, и слезы исторгает.
Судьи, плененные и силой и умом,
Торжественно его сопровождали в дом.
«Эдип» не конченный Софокла защищает.
Хоть ядом клевета изгибистых речей
Теснит и жалит,
Она достоинства не тронет, не умалит
И, право, солнечных не помрачит лучей.

<1802>

10. ЛЕВ И КЛОП

Боятся сильного, гнушаются лжецом,
Страмцом.
Клоп гордый некогда, свирепа льва кусая
И вонь несносную вокруг себя бросая,
Кичился, чванился: смотри, каков мой гнев!
Меня боится лев!
А лев сказал: «Пожалуй, не хвалися
И льва к клопу не применяй;
Как хочешь, так кусай и злился,
Но только не воняй!»

<1802>

11. ВЕТР И ДУБ

Дуб Ветру стал пенять: «Откройся мне, Борей!
Зачем ты разметал вдоль рощи, среди полей
Моих любезных деток?
По милости твоей
Я без листов и веток;
Вчера так крепко дул,
Что самого меня чуть с корня не свихнул;
Ты травку бережешь пустую,
Качаешь только трость, соседку дорогую,
А на меня
Глядишь нахмурясь, сердитей день от дня».
Борей в ответ кричит: «Признаюсь, Дуб спесивый!
Пусть осеняешь луг и золотые нивы, —
Упрямых не люблю голов;
Ты в бури час стоять, упорствовать готов,
А я привык всегда встречать одно покорство.
Изволь, я окажу охотно доброхотство;
Лишь в землю поклонись и будь передо мной,
Как лист перед травой».

Дуб Ветру возразил: «Сказать ли без обману?
Природой не дано мне изгибаться в лесть;
Храня бесперестанно честь,
Погибнуть я могу, но кланяться не стану».

Так добывал Наполеон
Себе Кутузова поклон.

1816

12. ЖИВОПИСЕЦ И НАЗЁМНАЯ КУЧА

Природу целую живописуй, Вернет!
Обдумав наперед,
Как озарить предмет.
Вот быль о том под видом сказки.
Какой-то Апеллес
Хитро употреблял и теней свет, и краски,
Но рисовал, забыв о множестве чудес,
Не громоносную, губительную тучу,
Не утра ранний блеск и не лазурь небес,
Смешно сказать — наземную лишь кучу.
Старался оживлять в своих картинах,
В садах, полях и на равнинах,
Везде один предмет — везде один успех,
Который наконец родил всеобщий смех.

Я обращаю к вам усердные советы,
Жрецы парнасских дев — поэты.
Облагораживать учитесь предметы!
Везде изящного пред вами образцы;
Не рабственные вы писцы,
Но подражатели разумная природы;
Покорны вам земля, и небеса, и воды;
Вы призваны греметь народам правду вслух;
Умейте смертного возвысить мысли, дух.
Поэта в лавровом пишите мне венке,
Отнюдь не в колпаке.

<1817>

13. МОЛОЧНИЦА И КУВШИН С МОЛОКОМ

Одетая легко, Параша из села
В соседний городок на рынок побежала
Безмерно весела.
В кувшине молоко на голове несла;

Притом в уме смекала,
Что сливки проданы; на выручку яиц
Уже себе купила;
Домой пришед, на них наседок посадила
И развела цыплят; смеясь говорила:
«Не опасаясь лисиц!
Цыпляток сбуду с рук и скоро поросенка
На деньги те куплю;
Его бардою откормлю,
Продам и заведу корову и теленка.
Телят люблю!
Теленок на лужку при мне перед глазами
Играет, резвится нескладными прыжками!»
Параша тут сама,
Почти что без ума,
Мечтательный доход так дорого ценила;
Короткий выбирая путь,
Затеяла чрез ров, и небольшой, прыгнуть,
Споткнулась — и кувшин на землю уронила;
Разбила вдребезги кувшин, а с черепка
По травке полилась молочная река.
Прощай телят прыжки, и ласки, и приятство,
И всё Парашино богатство!
Хмельницкий прав. Мы все, в деревне, в городах,
Во сне и наяву здесь плаваем в мечтах;
Воздушные везде все люди замки строят,
Фортуны о себе тогда не беспокоят.
Я сам в углу своем являюсь в броне,
Даю Суворову уроки на войне,
Первопрестольные я покоряю грады,
Владею царствами Эллады;
Мой пышный долиман в алмазах, серебре;
На златошвейном я, разнежась, ковре,
Пашей и муфтия не соизволю слушать.
Слуга лишь позовет в гостиную чай кушать —
Как было смолоду, останусь при Кубре.

<1821>

14. ЗМЕЯ И ПЧЕЛА

Твержу, чтоб книг была свободная печать,
Чтоб разливалось учение в народе.
Или вельможеской породе
Одной позволено свой разум украшать?
Простолюдим с пониклыми очами,
Не просветясь наук лучами,
И телом и умом век целый на земли,

Пусть пресмыкается в пыли?
Об этом басня в мысль попала.
На розе мед Пчела собирала,
А под кустом Змея лежала
И с нею в речь вошла: «Давно я не видала,
Сестрица милая, тебя!
Коварный человек, Змеи не люблю,
В пустыни и леса прогнал ее напрасно.
Орудие одно
Тебе и мне дано;
За жало вся война; бесспорно это, ясно,
Что жалим обе мы, и ты и я.
Голубушка моя!
Пожалуй, объясни, за что тебя все любят,
А люди обо мне повсюду злое трубят?»
Пчела в ответ:
«То истинно, мой свет,
Что жало я имею;
Но им владеть умею:
Я жизнь тем берегу. Еще напомнить смею
Для объяснения примет:
Не яд один, как ты, я расточаю — мед».
Благотворителен наук, полезен свет,
Когда он льет
Без яда примеси прозрачный, чистый мед.

<1829>

15. ВОРОНА И СЫР притча

Однажды после пира
Ворона унесла остаток малый сыра,
С добычею в губах не медля на кусток
Ореховый присела.
Лисица к сыру подоспела
И лесть, как водится, запела
(Насильно взять нельзя): «Я чаю, голосок
Приятен у тебя и нежен и высок».
Ворона глупая от радости мечтала,
Что Каталани стала,
И пасть разинула — упал кусок,
Который подхватя, коварная лисица
Сказала напрямки: «Не верь хвале, сестрица
Ворону хвалит мир,
Когда у ней случится сыр».

<1802>

16. РЕКЕ КУБРЕ

Кубра! ты первая поила
Меня пермесскою водой,
Младое чувство возбудила
Прельщаться греков простотой.
Я на берегу твоём высоком
Всегда спокойным сердцем, оком
Ловил природы красоты;
Не знал кумиров зла, ни мести,
Не зрел рабов коварства, лести,
И собирать хотел цветы.

Хотел, подруги Феба, музы,
По вашим странствовать горам,
Нося прелестные мне узы,
Куришь пред вами фимиам,
И воду пить пермесских токов,
Как Ломоносов, Сумароков,
Парил я в мыслях на Парнас,
Дерзал стремиться вслед Гомера;
Но вдруг представилась Химера,
Исчезла мысль, и дух погас.

Кубры оставя ток прозрачный
Приятных и спокойных вод,
В предел я поселился мрачный,
В превратный пояс непогод,
Где светлый жезл куют морозы,
Весной дышать не могут розы,
И где сердитый царь Борей,
Неистовым свирепством полный,
Далече посылает волны
Губить богатый злак полей.

Кубра, вясь кольцом и ныне,
Спешит мои березки мыть,
Течет торжественно в долине.
Зачем не суждено век жить
Мне там, Кубра, твоё где ложе,
Где те, что мне всего дороже,
Где я без желчи воду пил,
В восторге радостном и мире
Играл среди весны на лире,
И сладость бытия вкусил.

Хребет свирепого Нептуна
Пловец стремится попить,
И стрелу грозную Перуна
Средь бурь дерзает отражать.

Когда смирятся моря бездны,
Весельем дышит брег любезный,
Наскучит смертоносный вал,
К пенатам кормчий возвратится;
Раскаянье в душе родится,
И подвиг славы скучен стал.

В игривых мне волнах являет
Кубра обилие чудес,
И мысль крылатая летает
На свод лазуревый небес.
Далече простираю взгляды:
В эфире плавно мириады
Своей катятся чередой;
Громады гор, вод быстрых бездны,
И смертного труды полезны
Теперь сияют предо мной.

Что протекло, возобновляю
По воле в памяти моей;
С Сократом вместе обитаю
Благотворителем людей.
Дух любопытственный насытить
И созерцанием восхитить —
Источник истинный утех;
На мир раскинуть мысль свободну,
Постигнуть красоту природну —
Веселие превыше всех.

Пускай Кубры прозрачной воды
Мне в сердце радости вольют,
И лет моих преклонных годы
Без огорчений потекут.
Она мила между реками:
Приятно щедрыми судьбами
Я совершаю срок годов.
Я начал здесь играть на лире,
Засну, оконча песнь Темире,
При шуме от ее валов.

1803

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Притчи, 1802, с. 1; «Друг просвещения», 1805, ч. 4, с. 217. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 18. На сюжет басни Лафонтена «Le chêne et le roseau».
2. Там же, с. 7. На сюжет басни Эзопа «Блоха и Атлет».
3. Там же, с. 19. С переработками входила во все позднейшие переиздания «притчей» Хвостова. На сюжет басни Эзопа «Мышь полевая и Мышь городская».
4. Там же, с. 32. Позднее не перепечатывалась. На сюжет басни Федра «Гора рождающая».
5. Там же, с. 59. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 76, с прим. Хвостова: «Она есть собственное изобретение автора. Благосклонные любители иносказательного рода похвалят в ней стихи: «Ползя, упасть нельзя», хотя и оные могут быть подвергнуты критике: ползя с горы, упасть можно» (с. 298). Хвостов избрал данный стих в качестве эпиграфа ко второй книге своих басен. Поскольку его репутация как поэта крайне бездарного установилась уже в начале XIX в., современники толковали эпиграф как автоэпиграмму. Использован сюжет басни Эзопа.
6. Там же, с. 67. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 90, где с примеч. Хвостова: «Содержание сей басни почерпнуто из творений знаменитого Сковороды, малороссийского грамотея и мудреца» (с. 299). Имеется в виду басня Григория Сковороды (1722—1794) «Щука и Рак».
7. Там же, с. 114, под загл. «Лягушки и их царь». Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 141, с прим. Хвостова: «Слово якобинцы относится к употреблению того времени (1802 г. — Ред.). В Париже 1791 года были якобинские клубы, и вообще сим именем назывались те люди, которые бунтовали против Людовика XVI. См. басню Ив. А. Крылова» (с. 303). Имеется в виду одноименная басня Крылова (см. № 275). К стиху «Такого дай, чтобы умел пошевелиться» имеется прим. Хвостова: «Когда войска наши были в Париже, то говорили француженки из Лафонтена: «*Donnez nous un roi qui se remue*». По сей причине и я обязанностию почел перевести сей стих, которого в первых изданиях не было» (с. 303). Басня Хвостова написана на сюжет басни Лафонтена «*Les grenouilles qui demandent un roi*».
8. Там же, с. 144. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 169. На сюжет басни Лафонтена «*Le loup et la cigogne*».
9. Там же, с. 194. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 227, с прим. Хвостова: «Историческое происшествие, приуроченное автором к нравоучению, что зависть истинно знаменитым людям вредить не может. Цель оной та же, какая у Эзопа в басне “Змея и пила”» (с. 303). Историю, положенную в основу басни, рассказал римский оратор Цицерон в трактате «О старости». По этому преданию, греческий драматург Софокл так увлеченно предавался литературным трудам, что его домашние дела пришли в упадок, и его сыновья обратились в суд, чтобы отец, как впавший в старческое слабоумие, был отстранен от управления имуществом. Софокл, только что закончивший трагедию «Эдип в Колоне», прочел ее в суде вместо оправдательной речи и спросил судей, кажется ли она им сочинением слабоумного. *Марон* — Вергилий (см. Словарь).
10. Там же, с. 200. Сюжет, по-видимому, заимствован из одноименной притчи А. П. Сумарокова. См. также притчу А. А. Ржевского «Клоп».
11. Полн. собр. стих., 1830, ч. 5, с. 226, с примеч. автора: «Содержание сей басни есть собственного изобретения». Датирована Хвостовым.

12. Полн. собр. стих., 1817, ч. 3, с. 129, под загл. «Живописец и навозная куча». Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 127, с прим. Хвостова: «Последний стих целит на тех поэтов, которые, забыв об изящной природе, все смешивают. Знаменитый лирик наш Г. Р. Державин, по безвкусице одного живописца, написан и представлен был на выставке Академии Художеств в колпаке. Искусство изображает натуру, но только изящную. Живописец! представляй мне Суворова во всеоружии на Альпах, а Державина на Геликоне в лавровом венке». Хвостов говорит о портрете работы художника Васильевского, который был представлен на выставке Академии художеств в 1815 г. *Вернет* — по всей видимости, К.-Ж. Верне (1714—1789), французский художник, пейзажист.

13. ТВОЛРС, 1821, ч. XIII, кн. 2, с. 397. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 207, с прим. Хвостова: «Сия басенка была читана в Обществе любителей словесности и напечатана в их издании, называемом «Соревнователь». Автор обрадовался случаю упомянуть о русском комике Н. Ив. Хмельницком, который обогатил нашу сцену прекрасными произведениями». На сюжет басни Лафонтена «*La laitière et le pot au lait*». Читалась в заседании ВОЛРС 28 февраля 1821 г. Хмельницкий Н. И. (1789—1845), известный комедиограф начала XIX в., автор комедии «Воздушные замки» (1818). *Кубра* — речка, на которой находилось имение Хвостова Слободка.

14. Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 259. В примеч. Хвостов раскрывает смысл басни: «Просвещение необходимо нужно, невежество вредно, гордое же и корыстолюбивое полуучение, или лжемудрование, и того еще вреднее» (с. 310).

15. Печатается по изданию: «Поэты 1790-1810-х годов.» Библиотека поэта. Л., 1971, с. 430

16. Печатается по изданию: «Поэты 1790-1810-х годов.» Библиотека поэта. Л., 1971, с. 435-437.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биография Хвостова из энциклопедии Брокгауза-Эфрона

Хвостов (граф, Дмитрий Иванович) — писатель (1757 — 1835). Учился в Московском университете. В 1772 г. записан был в Преображенский полк, откуда вышел в 1779 г. подпоручиком. После нескольких лет жизни в своей деревне, на реке Кубре, Хвостов вернулся в Петербург и поступил на службу обер-провиантмейстером, в 1783 г. перешел на службу в государственную экспедицию и был экзекутором во 2-м департаменте сената. В это время перевел для князя Вяземского трактат о финансах Неккера (перевод остался в рукописи). В 1785 г. был выбран в члены российской академии. Женатый на племяннице Суворова, Хвостов произведен был в подполковники и назначен состоять при Суворове. В 1797—1803 гг. состоял обер-прокурором синода. Опала Суворова при Павле I несколько отразилась и на Хвостове, но он возвратил себе милость одой на принятие императором звания великого магистра мальтийского ордена. В 1802 г. Хвостову разрешено было принять пожалованный ему в 1799 г. королем сардинским графский титул. В литературе граф Хвостов стяжал себе печальную славу бездарнейшего пиита. Его несчастная страсть к стихам была настоящей графоманией. Хвостов воображал себя истинным поэтом, которого может оценить только потомство. Пушкина он снисходительно считал своим преемником. Он любил называть себя „певцом Кубры“ по имени той реки, на которой находилось его имение. Сочинения его составили семь томов и выдержали три издания, но в продаже почти не расходились. Автор обыкновенно сам скупал их и либо рассылал всем кому мог, либо даже уничтожал. Свои сочинения он преподносил не только литераторам, но также посылал в разные учреждения, подносил митрополитам, архиереям, Аракчееву, Паскевичу и даже королю прусскому, от которого получил награду. Иногда граф Хвостов посылал свои произведения в одно учреждение в огромном количестве

экземпляров, так Академии Наук он принес в дар 900 экземпляров своей трагедии „Андромаха“. Граф Хвостов не ограничивался даровой рассылкой своих сочинений, но посылал иногда и свои бюсты. Хвостов пробовал свои силы во всех родах поэзии: писал драмы, оды, эпиграммы, послания и т. д. Печатаением своих произведений он в значительной степени расстроил свое состояние, тем более что много тратил на поддержание разных журналов, в которых надеялся помещать свои стихи. Шаликов, Воейков, Борис Федоров эксплуатировали эту слабость Хвостова. Не было недостатков и в хвалителях его таланта, преследовавших другую цель, — таким образом приобрести протекцию в лице чиновного поэта. Похвалы этих льстецов, переходившие всякие границы, до известной степени и объясняли ослепление Хвостова насчет своего таланта. Не было недостатка и в похвалах иного рода, иронических. Хвостова осыпали эпиграммами, а Дашков при вступлении Хвостова в общество любителей словесности произнес ироническую похвальную речь Хвостову, превознес его выше Пиндара, Горация, Лафонтена, Бауло, Расина и т. д. Ирония была слишком очевидна и Дашков был даже исключен из общества. Как член академии, граф Хвостов пытался работать для словаря, сочиняя объяснения разных слов. Филология его столь же мало удачна, как и его поэтические произведения. Хвостов представлял в академию и другие свои труды, между прочим, возражение на Шиллеровское „Über das Pathetische“. Вообще Хвостов был одним из энергичных членов академии. Положительной стороной деятельности графа Хвостова было внимательное соби́рание им сведений о русских писателях. Им было сообщено много материалов для словаря митрополита Евгения. Немалую услугу обществу в этом отношении оказал и издававшийся графом Хвостовым журнал „Друг Просвещения“. Как личность, граф Хвостов оставил по себе самую лучшую память. Это был скромный, честный, отзывчивый человек. Его доброта доходила до забвения обид, нанесенных его огромному авторскому самолюбию. Всегдашней его чертой было уважение к науке. Как чиновник, он отличался честностью, внимательным отношением к своим обязанностям и довольно широким горизонтом. Ему, между прочим, принадлежит проект о распространении элементарных юридических познаний. О нем см. Сухомлинов „История Российской Академии“ (том 7) и статью Е. Колбасина „Певец Кубры“ („Время“, 1862, № 2); П.О. Морозов, в „Русской Старине“, 1892 г. Н. Коробка.